

Царица Евдокия Федоровна: необыкновенная живость глаз

Иностранец, побывавший летом 1725 года в Шлиссельбургской крепости, пишет, что возле одного из домов внутри крепости он увидел статную, высокую женщину, которая, заметив иностранцев, вдруг стала махать им руками. Выскочившие из дома люди тотчас увели ее внутрь. Путешественнику позже сказали, что это была бывшая русская царица Евдокия Федоровна...

История Евдокии Лопухиной достойна пера Шекспира — настолько она драматична. В 1689 году, когда царю Петру I едва исполнилось семнадцать лет, его мать, царица Наталья Кирилловна, даже не спросив согласия, «ожила» юношу на двадцатилетней девице Евдокии Федоровне Лопухиной. Этим браком клан Нарышкиных, отодвинутый от власти в результате переворота 1682 года, пытался укрепить свое положение. Тогдашняя правительница царевна Софья Алексеевна и ее окружение из клана Милославских стремились закрепить свое превосходство благодаря женитьбе старшего брата и соправителя Петра — царя Ивана Алексеевича. В случае рождения сына в семье царя Ивана проблема наследования престола для Петра резко усложнялась. И вот, как только Нарышкины узнали о намерении Софьи женить Ивана на Прасковье Салтыковой, последовал ответный династический ход — Нарышкины срочно нашли Петру невесту. Словом, с самого начала совместной жизни молодожены оказались игрушка-

ми в руках придворных интриганов. Их чувствами, естественно, никто не интересовался.

Вместе Петр и Дуня прожили почти десять лет. Царица Евдокия родила Петру трех сыновей, из которых выжил, на свое несчастье, только царевич Алексей. Но жизнь супругов не была счастливой. Дуня была явно не пара Петру, они существовали как будто в разное время, в разных веках: Петр жил и чувствовал себя в европейском XVIII веке — с его свободой, открытостью, прагматизмом; а Дуня, воспитанная в традициях старомосковской патриархальной православной семьи, оставалась в русском XVII веке, требовавшем от женщины следования обычаям терема, предписаниям Домостроя... В семейной драме Петра и Евдокии, как в капле воды, отразился общественный разлом, серьезный социальный и нравственный конфликт — неизбежное следствие радикальных преобразований, революций. Этот разлом прошел через все общество России, через души людей, внося в них смуту, тревогу, опасение за завтрашний день. Не миновал он и семью царя. Так получилось, что жизненные ценности Дуни трагически не совпали с изменившимися ценностями ее мужа.

Да и характерами супруги не сошлись. Порывистость, бесцеремонность, эгоизм Петра сталкивались с упрямством и недовольством Дуни — особы самолюбивой и строптивой. Петр все чаще уезжал из дворца на верфи, воинские учения, отправлялся в дальние путешествия, а Дуня, не желавшая менять свой устоявшийся годами, привычный стиль жизни русской царицы, сидела, поджидая мужа, в Москве. Пропась между супругами с годами углублялась. Петру, с его интересами и вкусами, была нужна для счастья другая женщина: одетая по новой моде, весе-

лая и ловкая партнерша в танцах, отважная спутница в тяжелых походах, помощница в непрестанных трудах. На такую роль Дуня не подходила, да она и не хотела испытывать себя в таком качестве. Зато в Немецкой слободе ей нашлась замена: дочь немца-винооторговца Анна Монс стала любовницей Петра.

Развязка наступила в 1698 году. Возвращаясь из путешествия по Европе с Великим посольством, царь указал отослать Дуню в монастырь, да побыстрее, чтобы к его приезду и духа опостылевшей супруги в Москве не было. Тяжелую миссию поручили патриарху и нескольким сподвижникам Петра. Царь разгневался, когда по приезду в Москву узнал, что Дуня все еще в Кремле. Четыре часа он сам уговаривал жену постричься в монахини — единственная удобная ему, самодержцу, форма развода, — но, видно, не преуспел в этом: упрямая Дуня в монастырь идти не хотела. С огромным трудом, силой царицу вывезли в Суздаль и поместили в женский Покровский монастырь. Двадцатидевятилетняя, полная сил женщина отчаянно сопротивлялась, она не хотела, чтобы ее заживо замуровали в склепе монастырской кельи, ей хотелось жить. В те времена подобная участь ждала множество отвергнутых жен, которым не было на свете другого места, кроме монастыря, и другой судьбы, кроме забвения.

Удивительно, что история любит драматические повторения. В тот же самый монастырь за 173 года до нашей истории, в 1525 году, также силком привезли опостылевшую жену, великую княгиню Соломонию, супругу Василия III. Она, прежде любимая жена, отчаянно не хотела идти в монастырь. На ее стороне была Церковь, традиция. Однако Василий был неумолим: Соломония бесплодна, а великому князю нужен наследник. Иначе говоря, Василий решил жениться во

второй раз, и этому Соломония мешала, почему ее и решили постричь насильно. Когда 28 ноября 1525 года над Соломонией совершали обряд пострижения, она так в гневе и отчаянии билась в руках монашек, кричала, бросала на землю и топтала монашеский куколь, что ближайший боярин Василия III Иван Шигоня-Поджогин, присматривавший за процедурой пострижения, ударил Соломонию, ставшую старицей Софией, езжалой плетью. Ей стало ясно — она больше не великая княгиня.

Народ, всегда чуткий к драмам в царской семье, сложил песню:

Уж что это у нас в Москве приуныло,
Заунывно в большой колокол звонили?
Уж как царь на царицу прогневался,
Он ссылает царицу с очей дале,
Как в тот ли во город во Суздаль,
Как в тот ли монастырь во Покровский...

А Василий III женился на юной Елене Глинской, родившей ему мальчика, ставшего позже чудовищем русской истории — Иваном Грозным. Через какое-то время после пострижения Соломонии по Москве стали распространяться слухи, что старица София — Соломония — родила в Покровском монастыре сына Василию III, названного ею Георгием. Василий срочно нарядил в Суздаль следствие, а Соломония, чтобы спасти ребенка, якобы отдала его кому-то на воспитание за пределы монастыря, причем распространила слух о его смерти и даже инсценировала погребение младенца... Известно также, что по воле Василия Соломония была сослана в дальний Каргополь и возвращена в Суздаль лишь тогда, когда у князя родился сын, будущий Иван Грозный (который, кстати, всей

этой историей очень интересовался). Неожиданно уже в наши времена легенда о Георгии получила продолжение. В 1934 году, во время повсеместного осквернения большевиками церковных святынь, под полом собора, возле гробницы Соломонии, было вскрыто маленькое белокаменное надгробие XVI века. Внутри стояла выдолбленная колода — гробик, в котором лежал истлевший сверток тряпья без всяких признаков детского костяка. Иначе говоря, это был муляж, кукла... Следовательно, легенда имела под собой основание?

В 1610 году сюда же, в Суздаль, в тот же монастырь, привезли юную царицу Марию Петровну — жену царя-неудачника Василия Шуйского, выданного полякам и увезенного пленником в Варшаву. Царицу Марию постригли под именем старицы Елены. И вот в 1698 году здесь появилась новая старица Елена — бывшая царица Евдокия Федоровна. Но до этого каждый день два с половиной месяца подряд специальный посланник Петра приходил в келью Евдокии и уговаривал царицу принять постриг. Наконец она скрепя сердце согласилась и стала старицей Еленой. Если бы она не согласилась, ее постригли бы насильно, как некогда Соломонию: времена изменились, а нравы — нет. Вот описание насильственного пострижения несовершеннолетней Анны — дочери Артемия Волынского, бывшего кабинет-министра Анны Иоанновны, казненного летом 1740 года. Происходило это в Иркутске, в девичьем монастыре: «Явился в церкви Знаменского монастыря архимандрит... Корнилий. За ним ввели в церковь под конвоем юную отроковицу в сопровождении фурьера и неизвестной пожилой, по-видимому, вдовы... Архимандрит приступил к обряду пострижения девушки. На обычные вопросы об отречении от мира постригаемая оставалась безмолвною, но вопросы по чиноположению следовали один за другим, так и вид-

но было, что в ответах не настояло необходимости. Безмолвную одели в иноческую мантию, покрыли куколем, переименовали из Анны в Анисию, дали в руки четки, и обряд пострижения был окончен. Фурьер вручил постригавшему письменное удостоверение, что был очевидцем пострижения в монашество девицы Анны... и тут же сдал юную печальную инокиню игуменье под строжайший надсмотр и на вечное безысходное в монастыре заключение». Не стоит и говорить, что эта процедура, которой бы Евдокии не миновать, была грубейшим нарушением всех церковных канонов.

Судьба отвергнутой царицы, как и прежде, волновала людей, и в народе сложилась песня, за которую певцам резали на эшафоте языки:

Возле милого сию млада,
Меня милый друг журит, бранит,
Он журит, бранит,
В монастырь иди велит...

Кончается песня ответом молодой монахини на вопрос любопытствующих путешественников о том, как очутилась здесь, в монастырской келье, такая молодая красавица:

Я пострижена самим царем,
Я посхимлена Петром Перьвым,
Через его змею лютую.

Все понимали, что «змея лютая» — счастливая соперница из Немецкой слободы Анна Монс... Впрочем, этой тоже не повезло. Но это уже другая история... Шли годы, о Дуне — старице Елене — стали забывать, для многих она как будто перестала существовать...

Но тут наш сюжет делает неожиданный поворот. Оказалось, что, несмотря ни на что, Дуня не прими-